

Содержание

«Поехал казак на чужбину далёко...». <i>Вместо пролога</i>	5
Часть I. Дезертиры, кулаки, белогвардейцы	13
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...». <i>Аньковские события</i>	13
«Тяпкина война». Захват Юрьев-Польского	36
Часть II. Банда	70
«Одетые в кожаные тужурки и регланы...».	
<i>По зелёным волнам</i>	70
«Вот вас-то нам и надо». <i>Жестокое время</i>	83
«Умер я смертью храброго...». <i>Чекисты нападают на след</i>	104
«Из семьи частного землевладельца...». <i>Сообщники</i> ...	108
«Народ сбился разношёрстный...». <i>Внутренние раздоры</i>	111
«Чтобы всурьёз драться – хрен выкусишь!..».	
<i>Последние дела</i>	116
«Сопrotивления не оказал». <i>Арест и суд</i>	119
Часть III. Писатель	124
«...Обманул всех и остался жив». <i>Детство, отрочество, юность</i>	124
«С 16-и лет тянет писать...». Творчество	130
«Большой, шумный, весёлый и простой иностранец».	
<i>Дружба с известным американским публицистом</i>	134
«Сладким ароматом дышал скошенный луг».	
<i>Гимн родному краю</i>	137

«Богато родниками». <i>Иворово</i>	141
«Зелёная зыбь». <i>Главная книга</i>	143
«Тейковщина». Вместо эпилога.....	150

Железной силой направлены теперь волны туда,
где им хлестать полагается: на окраины.
И ничего, – хлещут, крушат...
Велико напряжение и понятно, если здесь,
внутри, подымается зыбь.
Этого не избежать...
Случается, – на море без всякого ветра
разыгрывается «мёртвая» зыбь,
мечутся мелкие волны день и два, и три.
Где-то, значит, разыгралась буря...
Здесь – тоже зыбь, только «зелёная».
Теперь она затихает, осталась жалкая рябь,
и конец её неминуем...

Тимофей ДМИТРИЕВ

«ПОЕХАЛ КАЗАК НА ЧУЖБИНУ ДАЛЁКО...» ВМЕСТО ПРОЛОГА

Антикрестьянская направленность политики военного коммунизма, выражавшаяся в продовольственной диктатуре, продразвёрстке, государственной монополии на хлеб, а также массовая мобилизация в 1919 году в Красную Армию превратили крестьянское сопротивление новым советским властям в постоянный фактор Гражданской войны. В информационных сводках того периода регулярно отмечалось, что основная масса крестьянства к Советской власти и коммунистической партии относится отрицательно, а местами даже враждебно. Недовольство часто выливалось в открытые выступления – вооружённые восстания и мятежи.

Другой формой крестьянского протеста были повстанческое движение и бандитизм. Крестьяне, недовольные властью, дезертировали из воинских частей, и уклонявшиеся от призыва уходили в леса, где объединялись в вооружённые отряды для борьбы с коммунистами. «Зелёная армия», как себя называли повстанцы, громила советские и партийные учреждения, убивала большевиков, милиционеров, активистов и сочувствующих новому режиму, совершала налёты на колхозы и сельскохозяйственные кооперативы. В разорённой войной стране,

в которой царили голод, промышленная разруха, товарный дефицит, новая власть ещё слабо контролировала ситуацию на местах, а уголовный и политический бандитизм принял широкий масштаб.

Участники восстаний, скрываясь от преследования, уходили в леса и образовывали там банды, которые, кроме борьбы с Советской властью, совершали преступления и чисто уголовного характера. Шайки разбойников вливались в состав «Зелёной армии». Основой для бандформирований всех оттенков являлись дезертиры. По своему социальному положению они большей частью представляли собой зажиточные слои деревни, стремящиеся, как и прежде, зажить спокойной, «хозяйской» жизнью.

Невиданное и неслыханное тяжестью легло на соломенные крыши деревень. Привычный уклад жизни стирался, как орёл на старом пятаке, а новое, пока что, было частенько очень уж не по душе мужику.

Будоражили мобилизации. В леса и подполья набились дезертиры. Отбирали для армии лошадей. В трудновинностях, продразвёрстке, переделах закружился мужик...

Город нищенствовал под окнами.

По-воровски рыскали в потёмках спекулянты.

Вести и слухи дождём сыпались на голову. Впитаешь одно, а за ним валится другое, ещё необычнее, ещё страшнее.

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

«Зелёные» не имели чёткой политической программы. Их основные требования сводились к защите крестьянства от власти коммунистов путём уничтожения последних. Часто «зелёных» пытались использовать в своих интересах белогвардейцы и политические противники большевиков, прежде всего эсеры. К концу Гражданской войны зелёное движение приняло откровенно уголовный характер. Зелёные в своих действиях практически ни чем не отличались от многочисленных преступных банд, также терроризируя мирное население.

Здесь, наверное, уместно будет вспомнить сложившуюся обстановку весной 1919 года на территории Центральной России и вскользь заглянуть в деревенский быт.

Как повествует свидетель тех далёких событий Д. Молчанов, оставивший потомкам письменные воспоминания под названием «Банда «Юшко» и её злодеяния» и «От злодеяний банды «Юшко» к её ликвидации», написанные в 1973–1974 годах и хранящиеся ныне в фондах краеведческого музея города Гаврилов Посад Ивановской области (его интереснейшими воспоминаниями мы по ходу нашего рассказа ещё не раз воспользуемся), «на деревенский быт накладывала тяжёлый, гнетущий отпечаток разруха... Не было в продаже товаров первой необходимости: обуви, одежды, сахара, керосина, спичек, соли. Советские денежные знаки... обесценивались с каждым днём...

«Керенки», вышедшие из употребления, порхали по деревням как ненужный хлам, старые банкноты «Катюх» (так называли сторублёвые банкноты) можно было видеть приклеенными на заборах в виде «украшений».

По деревням блуждали группами и в одиночку мешочники, прибывающие из городов для обмена своих пожитков на хлеб и картошку.

А в это время ползли зловещие пророчества, слухи... о скором и неминуемом падении Советской власти.

В унисон всему этому вечерами ходили по деревням парни и под хриплые звуки гармошки горланили песенки с антисоветским мотивом...»

Антикоммунистические силы совместно с дезертирами ещё летом 1918 года подготовили мятеж в крупном торговом селе Аньково Юрьевского уезда Владимирской губернии. Это село в уезде было довольно большим. По обе стороны центральной дороги стояли двухэтажные каменные дома местных зажиточных крестьян и купцов. На многих окнах имелись железные решётки, двери домов также были окованы железом. В центре, на пригорке, возвышалась церковь с колокольней из красного кирпича. Жителей в то время здесь насчитывалось порядка 1700 человек. В селе имелось 10 чайных и постоянных дворов и столько же магазинов. Это был настоящий торговый центр, где пересекались важнейшие торговые пути, которые вели из Ярославля во Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский.

Злынь – село богатое. На главной улице – каменные дома вперемежку с бревенчатыми избами. Средина вымощена булыжником. Только мало ездят по мостовой, стараются объехать сторонкой, тонут в сыпучем песке, но не жалуются: колёса целее, и треску нет. Улица раздвинулась в площадь, мостовая раздвоилась. На площади – краса Злыни, белый пятиглавый собор. Направо от главных ворот ограды – белая облупленная громадина в два этажа с вывеской: «Злынское Волостное Правление», налево, задом к реке Нерекше – обширный дом купца Сальникова, тоже с вывеской над широкими растворами нижнего этажа: «КОЖЕВЕННАЯ ТОРГОВЛЯ Д. САЛЬНИКОВ и С-н».

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

Там и были созданы боевые дружины, приобретено оружие и даже назначен день начала мятежа. Но выступление оказалось сорванным вооружённым отрядом, прибывшим как раз перед его началом из Владимира. Мятеж не удался, а его зачинщики, как выразился Д. Молчанов, «...попрятались по тёмным углам и выжидали удобного момента в надежде на победу ярославского мятежа, но и эти надежды не сбылись. Мятеж в Ярославле был подавлен.

Всего скорее, из тех боевых дружин, которым не удалось применить оружие в подготовленном летом 1918 г. мятеже и зародилась банда». Но о ней рассказ ещё впереди.

Новой власти для упрочения своих позиций необходима была сильная военная опора. Поэтому в 1919 году началась масштабная мобилизация в ряды Красной Армии, добавившая в свою очередь в российскую жизнь обеспокоенности и напряжения.

«Вдруг как раскат грома, – продолжает вспоминать Молчанов, – потряс деревенский быт слух о том, что пришёл приказ о мобилизации. Призывались в Красную Армию люди молодых возрастов.

Некоторые из тех, кому следовало явиться на призывной пункт, главным образом, – неустойчивые и подпавшие под влияние распространяемых антисоветских слухов, вымыслов и пророчеств, – уклонялись от явки на призывные пункты, предпочитая «выждать», отсидеться дома где-нибудь на чердаке или в сарае, некоторые уходили в лес».

Весной-летом 1919 года призыв в Красную Армию, проводившийся в период сельскохозяйственной страды, вызвал массовое дезертирство. К середине июня во Владимирской губернии, судя по архивным данным, насчитывалось около 13 с половиной тысяч покинувших воинские расположения и не явившихся на призывные пункты. Особенно много дезертиров скопилось в районе между сёлами Мирславль, Бережок, Аньково и Сваино. Большое их число дестабилизировало положение.

Приведём выдержки из воспоминаний делопроизводителя Юрьев-Польского исполкома И. Покровского, которые он записал в 1927 году: «В один из годов Гражданской войны мобилизовался (неразборчиво – прим. С. Х.) возраст, перед отправлением его на вокзал представители местной власти сказали напутственную речь, разъясняя необходимость обороны Республики, но вот кто-то из группы мобилизованных осмелился сказать: «не пойдём, идите сами на фронт» (дело было у здания Милиции). Говоривший, очевидно, заранее настроил ряд товарищей, так как получился шум и как бы некоторое движение в рядах, но, благодаря убедительности слов товарища, обращавшегося к ним с речью, мобилизованные успокоились и группа в 100-150 человек через несколько минут в порядке последовала к месту отправления воинских эшелонов, кто-то из них запел «Поехал казак на чужбину далёко»...

Однако многие новоявленные солдаты вскоре становились дезертирами. «В деревне, продолжает Покровский, – можно было встречать под вечер дезертира, пробиравшегося огородом домой. Приходили с фронта, из частей, просрочивали явку по отпуску... оставались в родной обстановке, где не было крови и смерти. Они не выступали на сельских собраниях и [их] не было видно на улицах, а тихо и тайно жили дома, летом было лучше, можно было находиться в лесу и изредка в ночькую тёмную пробраться домой. Когда волна дезертирства залила деревню и города, пишущему эти строки приходилось иметь дело по службе, опрашивая дезертиров. О причинах бегства записывался ответ: «захотелось отдохнуть», «за сухарями», «ввиду семейных обстоятельств», «по случаю».

Бродили по деревням тревожные слухи: к весне скрылись в леса новые жители. Тесно становилось людям в деревнях, опасно. С каждым днём всё больше появлялось лесных отшельников. Одиночками и группами ходили они от сторожки к сторожке, ночевали, жили неделями. Молча встречали сторожа незваных гостей, пугливо косились на винтовки и револьверы. Провожали же с радостью. Наглые и дерзкие гости, однако, пугались всякого свежего человека.

Другие селились в оврагах трущоб и жили в землянках.

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

Объединившись в банды с крестьянами, недовольными политикой большевиков, они совершали нападения на советские учреждения, убивали активистов, грабили кооперативы, магазины и склады.

Весною вместе ушли в леса. Линка сама захотела вырядиться дезертиром, выучилась палить из револьвера. И бродили оба по сторожкам, угрозами и силой забирали продукты. Иногда грабили по дорогам проезжих, очищали по сёлам потребиловки. После удачного дела Щербаков дарил лесных сторожей ситцем. Тогда встречали бандита с почётом, особенно мельник, живший на речушке почти у самой Нерекши.

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

Под призыв попадали и сыновья местных кулаков, которые уклонялись в первую очередь. А их отцы устраивали саботаж, так как не хотели продавать хлеб на нужды государства по установленным твёрдым ценам. В ответ на такие действия кулаков в стране вводится продразвёрстка. Чтобы выявить и отобрать излишки хлеба у них и богатых крестьян, в деревнях создаются комитеты бедноты. Они оказывали помощь продотрядам, которые и занимались изъятием этих излишков. Кулаки же поддерживали тесную связь с дезертирами, помогая им продовольствием и оружием.

Отряды продразвёрстки на нужды революционного государства забирали у крестьян практически всё зерно, оставляя им лишь минимум, необходимый только для выживания. На плодородных землях Юрьевского Ополья основная часть селян

была довольно зажиточна, и такая политика Советской власти не могла не вызвать резкого протеста.

Приказы о призыве в армию издавались неоднократно, но количество дезертиров постоянно увеличивалось. Поэтому военный комиссар Владимир Иванович Самодуров ввёл на территории города Юрьев-Польского и уезда военное положение, по которому на всей указанной территории вводился комендантский час, запрещалось передвижение в ночное время, устанавливался контроль над всеми железнодорожными переездами. Лица, укрывавшие дезертиров, предавались суду военного трибунала.

Дней через десять в село приехал волостной милиционер. Линка вихрем ворвалась в избу:

– Ванька, милиция!..

Щербаков схватил винтовку с револьвером, шинель и через двор огородами помчался в лес. Дома отец с матерью забожжились, заклились:

– Слыхом не слыхали, видом не видали!.. Сын в городе, в красной гвардии служит.

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

6 мая 1919 года был опубликован приказ о призыве в армию граждан 1899 года рождения. В связи с неявкой большого количества призывников на призывные пункты издаётся другой приказ – об очистке в кратчайший срок Юрьевского уезда от дезертиров. Особенно много их скопилось близ того самого торгового села Аньково.

Ходят в лесу люди в зелёных гимнастёрках, зелёные шаровары концами в сапоги прячутся. Фронт щедро наградил всех одеждой, а ей, постылой, износа нет, даже о можжевеловые сучья не рвётся.

В руках у бродяг узелки с провизией, за спинами – берестяные кошель, а частенько и винтовки. У поясов болтаются револьверы или тускло-серые фонарики бомб с жёлтыми, похожими на складные ножи, ручками.

Много людей скрылось в злыньские дебри искать спокойного зелёного приволья. Всех принимают леса, укрывают и трусость,

и удаль. Песчаная Нерекша ласково качает в тёплых струях человеческие тела, зачастую с рубцами старых ран. Теплинками курятся берега. Дым тянется кверху и уползает по-над лесом. У костров – и землянки, и шалашики, и просто кучи хвои вместо мягких постелей. Простынёй – зелёная палатка, одеялом – царская шинель, а крышей над всеми – густая хвоя да голубое спокойное небо.

Нет забот у лесных жителей. Солнышко на полдень – они на опушку. Обратно идут с вестями и завтраком. Новостей мало. Далеко Долгоруков от злыньских лесов, а комдезертир в городе – незаметная точка. Не обскакать Луке Тюрину обширные леса... Местная милиция – свой брат. Село от села – в лесу своим летучим табором.

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

Часть I

ДЕЗЕРТИРЫ, КУЛАКИ, БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ

«ВЫ ЖЕРТВОЮ ПАЛИ В БОРЬБЕ РОКОВОЙ...» *АНЬКОВСКИЕ СОБЫТИЯ*

Для борьбы с уклонистами в Аньково было решено направить отряд из выздоравливающих красноармейцев и комсомольцев-добровольцев в количестве 36 человек. Сначала отряд отправился на поезде до города Тейково.

«Поезд шёл медленно, – вспоминал участник этого отряда юрьевполец Иван Иванович Кадиков, – подолгу стоял на полустанках. Пели революционные песни. Рассуждали о задании. Командир отряда и комиссар рассуждали о том, что дезертиров, вероятно, кто-то предупреждает, так как облавы на них почти не давали результатов. В случае неудачи решили взять заложников. Намечено было на этот раз прибыть в село рано утром незамеченными, чтобы захватить дезертиров врасплох.

Из Тейкова выехали на подводах ночью. С рассветом были в селе...» Наступило раннее утро 18 мая 1919 года.

Однако дезертиры, в очередной раз предупреждённые заранее, скрылись в лесу. Отряд красноармейцев и комсомольцев остановился в двухэтажном здании местного волисполкома. Как и было задумано, из числа близких родственников жителей села, скрывавшихся от призыва, и солдат, дезертировавших из своих частей, по приказу командира отряда в Анькове были взяты заложники в количестве 39 человек. Арестованных поместили на первом этаже волисполкома.

«Узнав, что дезертиры группируются в деревне Семёновское, – продолжает вспоминать И. И. Кадиков, – большая часть отряда выступила в этот район на облаву, оставив охрану из 8 человек».

Серьёзную работу по изучению аньковских событий мая 1919 года в своё время провёл бывший учитель истории

Юрьев-Польской средней школы № 3 Всеволод Сергеевич Горбачёв, который, собирая материал о тех трагических днях, со своими учениками совершил в Аньково и его окрестности целую поисковую экспедицию. Итоги этой работы Всеволодом Сергеевичем были изложены в четырёх майских номерах 1979 года юрьев-польской газеты «За коммунизм» под названием «Краеведы ведут поиск» и посвящались 60-летнему юбилею аньковской трагедии. Позволим себе процитировать строки из этой статьи, касающиеся обстановки в селе мая 1919 года: «...В это время в Анькове было беспокойно. Кулаков злил введённый чрезвычайный налог, по которому платить должны были богачи. К тому же, некоторые кулаки Анькова были оштрафованы за спекуляцию (например, Стулов – на 50 тысяч рублей). Кулаки Стулов, Моторин, Куликов и другие будоражили село слухами о том, что Советская власть долго не просуществует. Особенно неистовал (так в тексте – *прим. С. Х.*) бывший царский офицер В. Стулов. Вспыльчивый, несдержанный, он открыто призывал население к свержению Советской власти». Забегая вперёд, скажем, что именно Василий Стулов станет одним из лидеров банды Юшки.

Дезертиры быстро узнали, что в селе из числа их родственников появились заложники, что их охраняют всего 8 молодых красноармейцев и комсомольцев, а другая часть отряда ушла на поиски скрывшихся в лесу. Беглецы дополнительно вооружились. Вот что о случившемся рассказывал в своих воспоминаниях юрьев-польский коммунист Иван Иванович Зыков: «В этот день была обезоружена почта, милиция, порезаны провода (телеграфные и телефонные) и разбит военный комиссариат, находящийся в с. Волосачёве в 6 вер. от Аньково, там взято 60 винтовок с патронами, 3 бомбы и 10 револьверов». Попутно дезертиры разоружили волостной совет и двух милиционеров. С этим «багажом» на подводах они и прибыли в Аньково. Было их около сотни человек.

О том, что случилось дальше, мы узнаём из статьи газеты «Правда» (№ 132 от 20 июня 1919 года), которая также освещала те события. В публикации читаем следующее: «...в ту же ночь дезертиры вышли из лесов и пришли в Аньково. Они двинулись под руководством фельдшера-предателя Смолина. Он

постучал в окно, где спали красноармейцы, и попросил открыть. Молодёжь, не подозревая того, что имеет дело с предателем, открыла дверь. В это время ворвалась банда дезертиров...», которые напали на охрану и в ходе короткой схватки обезоружили отряд и освободили пленников. «Когда начали выпускать заложников, – вспоминает другой очевидец тех событий Н. М. Пучков, – один из арестованных ударил кулаком красноармейца, другой – выхватил у него винтовку. С этого и началось...»

Далее приведём воспоминания об аньковских событиях юрьев-польского коммуниста Ивана Ивановича Зыкова: «Для того, чтобы вызвать дезертиров из леса, отряд арестовал некоторых родственников, относящихся к более зажиточной части с. Аньково и приставил к арестованным караул в 12 человек. В этот момент в Аньковской волости, были уполномоченные ВЦИК т.т.: Семушин и Дергаченко и уполномоченный Юрьевского Упродкома – тов. Антипин.

Дезертиры, узнав об аресте своих родственников, решили их освободить. Руководителями этой мысли были: В. Стулов, М. Мольков и В. Петров. Вначале они предложили Нач. караула Сорочкину освободить арестованных, но когда Сорочкин отказался это сделать, а кроме того, объявил арестованными пришедших дезертиров, последние набросились на караул и началась свалка. Победителями оказались дезертиры, отряд был разрушен и часть т.т. были убиты.

Во время свалки к зданию ВИК (Волостного Исполнительного Комитета – прим. С. Х.), где это происходило, собралась большая толпа, тут были и гр-не и дезертиры, здесь уже были и вооружённые винтовками и револьверами, здесь был и Скородумов Ефим (впоследствии руководитель банды "Юшка").

Начались розыски коммунистов и добровольцев-красноармейцев, первого добровольца удушили – то был Летучев Николай. Кто-то ударил в набат, толпа прибывала, и карательные красноармейцы душились и убивались, где кого нашли, здесь были: Сорочкин, Людин, Фотеев, Антипин... и другие».

Повстанцы захватили Аньково, заняв почтовую контору, обрезав телефонные провода, и колокольным набатом собрали толпу селян у волисполкома. Последние подумали, что где-то

полыхает пожар, но увидев расправу над бывшими охранниками заложников, приняли участие в избиении. Красноармейцы подверглись жестоким издевательствам. Некоторые из них пытались бежать, отстреливались, но силы были неравные. Только комсомольцу Акимову удалось спастись. Будучи раненым, он сумел избавиться от преследователей. Пятерых полуживых солдат – Сорочкина, Николая Людина (Юдина), Харитоновна, Бурмистрова и Фатеева (Фотеева) – аньковцы свалили в яму и закопали.

Правды ради, нужно заметить, что существует ещё одна, абсолютно противоположная официальной, описанной в традиционной советской печати и историографии, версия расправы над молодыми красноармейцами. А суть её в том, что приехавшие борцы с дезертирством оказались слишком охотливыми до аньковских девушек и женщин, и те, не желая такого «пристального внимания» со стороны «гостей», попросту закололи их ночью сонных вилами. Местные же мужики завершили расправу.

Несколько иначе, в том числе и с эмоциональной точки зрения, описываются данные события в прессе. Юрьев-польская газета «Юрьевские известия» (№ 15 от 7 июня 1919 года) в статье «Аньковские баши-бузуки» за подписью «Старый Воробей» писала:

«В с. Анькове, где, как известно, разыгралась трагедия, жители до сих пор занимались делом торговли и делом обмана. Эти «друзья», именующие себя трудовиками, построившие своё благополучие на спинах окружающего крестьянства, в прошлом создали при селе... рынок, открыли... помещения для л(неразборчиво)точные заводы, тёрочно-крахмальное и сушильное заведение и подпольное «ханжи-самогонное» отделение. После они стали примазываться под видом «специалистов» в Центротекстиль, Центролён и др. советские учреждения и заручились грамотами о неприкосновенности их личностей и состояния.

Забравши таким путём некоторую силу, аньковские мародёры в лице Стулова, Моторина, Кожина и других занялись в первую очередь агитацией среди мобилизованных. Их работа

увенчалась успехом: тёмные забитые крестьяне вместо того, чтобы вступить в ряды Красной Армии, поддались агитации.

Под руководством кулаков и спекулянтов Малькова, Стулова, Жукова, Гогина, Орлова и других они ушли в лес и стали придумывать план мести.

Когда Уездный Продовольственный Комитет послал в Аньково члена ревизионной комиссии товарища Антипина для выдачи хлеба голодающим, туда прибыла команда из Союза Молодёжи и часть красноармейцев, посланных для выяснения числа и ареста скрывающихся дезертиров.

Явившись в Аньково, товарищ Антипин зашёл в Волостной Продовольственный Комитет, где распорядился о том, чтобы голодающие были извещены и приезжали за пайком. Команда во главе с полторным командиром Сорочкиным, выяснивши положение о дезертирах, спокойно разместилась по квартирам на ночлег.

Молодёжь и красноармейцы, уставшие от продолжительного пути, заснули как убитые.

В эту же ночь дезертиры вышли из леса, пришли в Аньково, заняли Военный Комиссариат, забрали оружие и, упоённые первой удачей, пошли на спящих. Они двинулись под руководством фельдшера, посланного для оказания помощи больным, предателя Смолина. Он постучал в окно избы, где спали красноармейцы, и попросил отпереть.

Молодёжь, не подозревая того, что имеет дело с предателем, отперла дверь. В это время ворвалась банда дезертиров и началась кошмарная, полная ужаса картина.

Озверевшие дезертиры-палачи избивали юношей ножами, кололи штыками, били камнями и затем вывели их на улицу. Они ударили в набат, собрали своих сродников и дали им право издеваться над пленниками. И вот одичалая толпа, именующая себя православной, имеющая в своих комнатах богов всех категорий с неугасимыми лампадами, превратилась в зверя.

Она набросилась на избитых и стала снова их избивать. Толпа кусала свои жертвы зубами, рубила топорами, била камнями и жгла теми свечами, которые недавно горели перед ликом Всевышнего. В конце, когда под ногами баши-бузуков лежали изуродованные, полуживые трупы, их решили зарыть.

Выкопавши яму, глубиной в 2 аршина, туда свалили пять человек: Сорочкина, Юдина, Бурмистрова, Фотеева и Харитонов.

Товарища же Антипина, приехавшего выдавать хлеб голодающим, кулаки удостоили особой кары.

После издевательств над ним и выковыр(неразборчиво) отвели на (неразборчиво) сравнивали её с землёй.

Так поступили баши-бузуки, именующие себя истинно православными христианами.

Теперь эти банды разбиты, идёт следствие, кулаки и мародёры частью разбежались и в Анькове остались одни лишь обманутые тёмные массы, введённые в заблуждение их эксплуататорами.

...Вечная память героям мученикам, погибшим на страже интересов голодающего населения, вечная память молодым отпрыскам, понявшим задачи общего освобождения от цепей рабства!

Беспощадная месть кулакам и мародёрам!»

«На другой день после этих событий, – снова цитируем статью В. С. Горбачёва, – часть отряда, ушедшая в деревню Семёновскую, возвращалась в Аньково. О том, что произошло здесь, они ничего не знали. Шли спокойно по селу, а когда стали подниматься к церкви, их встретили ружейными выстрелами. Они нарвались на засаду. Отстреливаясь, отряд отступил, так как силы были неравны». Шестеро красноармейцев в перестрелке получили ранения.

Тогда восставшие собрали волостное собрание, на котором были допрошены захваченные советские работники. Одному из пленных красноармейцев – Ивану Молькову – при сопровождении на допрос удалось бежать. На собрании в целях дезинформации были составлены телеграммы в Юрьев-Польский уездный исполком, в которых сообщалось о нормальной ситуации в волости, а также содержались жалобы на якобы неправильные действия отряда по борьбе с дезертирством. Параллельно с этим восставшие активно готовились к обороне, для чего будущий участник банды Василий (Вукол) Орлов организовал жителей Анькова на рытьё окопов вокруг села. И. И. Зыков об этом вспоминал так: «20-го мая дезертиры собрали волостные собрания, на собраниях они допрашивали уполномо-

ченных В.Ц.И.К. Дергаченко и Семушина, после чего их заперли опять под стражу, а Антипина (от Упродкома) убили. На этом собрании выработывали и посылали в Юрьев разные петиции, что их якобы обидел отряд, но что в волости всё обстоит благополучно. Просили прислать следственную комиссию, а в то же время дезертир Орлов созывал граждан рыть окопы».

Как видим, ещё одной жертвой аньковской трагедии стал агент реквизиционного отряда Иван Антипин, приехавший в то же время в село для сбора хлеба у крестьян на нужды армии. Добровольно хлеб отдавать, что вполне естественно, никто не хотел, поэтому Антипину приходилось прибегать к обыскам. Бывший кондуктор-смазчик вагонов на железнодорожном участке Буй-Ярославль, в 1918 году переехавший на жительство в село Городищи Юрьевского уезда к своим родителям, довольно смело и активно проводил в жизнь решения новой власти. Сходки аньковцев в селе проходили постоянно, и одну из них Антипин, остановившийся в соседнем селе Бирюково у своего соратника по борьбе с кулаками Ивана Колесникова, решил посетить, разведав тем самым обстановку. Но в толпе его узнали, схватили и обезоружили. Схватившие реквизитора стали решать, что же с ним делать. Воспользовавшись такой заминкой, Иван Антипин побежал к огородам. За его спиной послышались выстрелы. Один из них достиг цели, ранив беглеца в руку. Перелезть через забор с такой раной он не сумел. Через несколько минут наступивший одним из дезертиров Антипин был застрелен.

Четыре дня упродком жил надеждой. На пятый, вечером, когда Тюрин в комдезертуре подписывал бумаги, за спиной слабо, но настойчиво затрещал телефон. Не отводя глаз от строчек, Лука взял трубку. В ухо полилось шипенье, крикнул басок:

- Тюрин, ты?..

- Я. Кто говорит?

- Неважно! - засмеялся в трубке басок. - Присылай в Злынь за своими: всех шестерых вчера укокошили.

- Лука судорожно прижал трубку, крикнул, поднимаясь со стула:

- Кто говорит? Откуда?..

В трубке только шипело...

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

21 мая из Юрьев-Польского, Тейкова и Шуи прибыли карательные отряды. Юрьевский отряд возглавил один из первых местных чекистов Фёдор Иванович Анисимов. Общая численность карателей составила 150 человек.

Мятежники сначала решили оказать сопротивление, но потом предпочли укрыться в лесу.

Тела погибших комсомольцев были доставлены в Юрьев-Польский. Вот что вспоминала сестра убитого красноармейца Фатеева: «Когда привезли убитых в Юрьев-Польский, на теле брата, по рассказам матери, было множество ран, нанесённых штыком или вилами. У Людина голова была разрублена пополам. Следы зверств были на теле и других убитых».

Старик не двигался. Порывалов осторожно взял у него из рук фонарь, наклонился и резким взмахом откинул рогожи. Невольно отпрянул назад. Шесть трупов разной длины лежали рядышком, бок-о-бок, точно в казарме на нарах. На лицах сквозь слой инея темнели корки крови; на шинелях – те же чёрные пятна.

У дюжего ткача разворотили всю грудь. Кто-то долго и упорно втыкал в неё штык и бросил, должно быть, когда натёшился.

(Из романа Т. П. Дмитриева «Зелёная зыбь»)

Как писала газета «Юрьевские известия», заседание уездного исполкома 26 мая в основном было посвящено «событиям, происходившим в с. Анькове и тем последствиям, какие имели с ними непосредственную связь. Для выбора места могилы убитых красноармейцев и самый порядок похорон было решено поручить выработать особой комиссии. Все расходы по устройству похорон постановлено принять на счёт Исполкома и выдать семьям убитых, в том числе и Антипина по 2,000 рублей каждой. В конце заседания, вследствие заявления тов. Зыкова о необходимости увековечить память погибших в Анькове борцов, была избрана комиссия из т.т. Дмитриева, Киселёва, Липатова и Карцева, которым предложено представить в месячный срок свои соображения по этому делу...»

Жертвы аньковских событий

В. С. Горбачёв в своей статье рассказывает: «День похорон превратился в траур всех жителей. С утра улицы были заполнены народом. Около здания Совета (ныне старое здание больницы) была вырыта большая могила. На всём протяжении пути по бывшей улице Ивановской (ныне улица Шибанкова) от здания бывшего райисполкома стояли люди, скорбя о безвременно погибших. Чем дальше продвигалась процессия до братской могилы, тем плотнее становились толпы людей.

Печально звучал траурный марш. За гробами шли родственники погибших и руководители города.

Прозвучали залпы салюта... На могиле был установлен деревянный трёхугольный памятник со звездой...»

Совсем с другой интонацией это событие рисует в статье под заголовком «Похороны жертв аньковцев» на страницах газеты «Юрьевские известия» (№ 15 от 7 июня 1919 года) один

из её авторов, подписавшийся псевдонимом «Непримиримый»: «28 мая г. Юрьев впервые видел похороны товарищей, павших жертвой своего долга. ...в этот памятный день... Юрьев робко... заглянул из-за угла на процессию и снова [вернулся] к своей мещанской тупости, к своему родному корыту пересулов, кляуз и мелочных забот. В этот день соединилось всё: майское небо, тёплое, ласкающее солнце, красные флаги, звуки «Похоронного марша» и грусть за нашу родную «обывательщину», не пожелавшую даже в день траура расстаться с епитрахелиями (так в тексте – *прим. С. Х.*) и ладаном.

Родственники трёх убитых, прежде чем принести гробы на сборный пункт, к Исполкому, служили панихиды и только спустя два часа против назначенного времени по обычаю – дремотной Спасской улице полились свободные звуки погребального мотива «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Когда пение закончилось, тов. Зыков обратился к толпе с речью, проникнутой глубоким возмущением по поводу поступка аньковцев. Он указал на причины, вызвавшие кровавую расправу, ярко обрисовал ужас, пережитый убитыми товарищами, и закончил призывом к мести и неустанной борьбе с врагами Советской власти – деревенскими кулаками.

Вслед за ним говорили речи т.т. Беляев и Кочергин, также призывавшие коммунистов к дружной, планомерной работе по искоренению остатков прошлого, основанной на партийной строгой дисциплине.

После речей печальная процессия медленным шагом направилась по Спасской улице, через Городскую площадь, к братской могиле... Впереди под командой т. Макарова двигались красноармейцы, а вслед за ними коммунистическая молодёжь г. Юрьева, за которой шла милиция и носильщики с останками погибших борцов. Далее следовали коммунисты, представители от Военкома, Уездисполкома, горисполкома и отделов... За ними шли рабочие организации, учащаяся молодёжь с ветками только что распустившихся берёзок и бесдушная (так в тексте – *прим. С. Х.*) толпа горожан, с одинаковым любопытством относящаяся как к похоронам погибшего на славном посту товарища, так и погребению «в мире почившего» соборного протоиерея.

На печальную процессию из окон домов смотрели тупые мещанки и обыватели, мечтающие о возврате к прошлому, а «пока что» очень недурно обделывающие свои дела и делишки. В маленьком садике, против здания исполкома, отведённого под больницу, где накануне была вырыта братская могила, могли поместиться только красноармейцы, коммунисты, часть детей и представители от организаций. Остальным пришлось стоять на улице. После речей учителя Семёнова и т.т. Макарова, Дмитриева, Балукова и Тарасова гроба с пением «Похоронного марша» и «Интернационала» под ружейные салюты красноармейцев были опущены в сырую могилу и, спустя час, над местом вечного покоя погибших товарищей возвышался покрытый зеленью и венками холмик.

Во время похорон Союзом молодёжи был произведён сбор в пользу семейств погибших, давший в общем 2071 рубль 55 копеек».

Позже рядом с погибшими в Анькове свой покой обрели коммунист из села Кузьмадино И. Д. Тарасов, убитый в июле 1919 года во время юрьевского мятежа; агент уголовного розыска А. Власов, погибший в борьбе с бандитами двумя годами позже. В этом скорбном списке значится ещё одна фамилия – Кочкина. Где же и когда погиб он, – не установлено. Но на памятнике нет фамилии Бурмистрова, который также был убит в Анькове. Остаётся гадать: похоронен ли он вместе с остальными, но его фамилию забыли написать на табличке (и это, скорее всего) либо его похоронили в другом месте, что менее вероятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru